

18+

Анна-Нина Коваленко

Дальние Страны

Анна-Нина Коваленко

Дальние страны

«Издательские решения»

Коваленко А.

Дальние страны / А. Коваленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985654-8

В автобиографической повести «Дальние страны» причудливо и ярко, как лоскутное одеяло, соединены сибирские говоры и традиции старообрядцев, невзгоды послевоенного детства и красота русской природы, репрессии конца 1930-х и советские будни, деревенский фольклор и быт американского общежития... И всякий раз, когда судьба бросает вызов, воспоминания о детстве, полные искренности, настоящей дружбы, человечности, придают жизни смысл, желание жить...

ISBN 978-5-44-985654-8

© Коваленко А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Расставания	8
Дальний Восток	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дальние страны

Анна-Нина Коваленко

Светлой памяти Детства

© Анна-Нина Коваленко, 2020

ISBN 978-5-4498-5654-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора Когда травы были большими...

Меня долгое время огорчало то, что моя дочь растёт в большом городе, а именно в Москве, лишённая созерцаний вечно движущихся картинок природы, чем отличалось моё детство. И что, живя и работая в метрополии Москве, я не могу ей дать этой радости. Сама-то я росла в сибирской глуши, и находила единение с природой необходимым для счастливого детства. Когда моей дочери было лет тринадцать-четырнадцать, я спросила её: «Ты, наверное, чувствуешь себя недостаточно счастливой оттого, что росла не в деревне, а в большом городе, и не знаешь, что это такое – играть в лесу?..» На что она отвечала: «Знаешь, мама, когда ты маленькая, то и кустики тебе кажутся лесом. Так что не волнуйся, моё детство было тоже счастливым». Это её определение запало в душу, и помня его, я стала создавать серию картинок (акварелью, маслом, цветными карандашами и пр.) под общим названием «Когда травы были большими». Объекты этих картинок – дети и другие маленькие создания: воробьи в зарослях традесканции, лягушонок на болотной кочке среди цветущего жёлтым касатика-ириса, собачки и кошки среди кустарников и трав...

А с другой стороны, если представить себе ребёнка, подростка ли, растущего в большом городе, то возможно, и даже вероятно, ему будет жаль деревенского ребёнка, лишённого возможности видеть шедевры архитектуры и исторические памятники. Да, вполне вероятно. И потом, времена меняются, «идут вперёд», и многие современные дети, деревенские и городские, водят автомобили чуть ли не с пелёнок, а я увидела «живую» машину в сознательном возрасте и испугалась, приняв её за чудовище – не заслуживает ли жалости такой ребёнок?

Но были в нашем послевоенном деревенском детстве прекрасные вещи, ныне утраченные либо мутировавшие как следствие технического прогресса. Это такие формы отношений между людьми и детьми, когда можно было не сомневаться в поддержке и понимании друг друга, когда не страшны ни голод, ни лишения, ни невзгоды... Об этом я хотела сказать.

Анна-Нина Коваленко

Пролог

Это растение везде видится, то есть водится: в Сибири, на Урале, в Подмосковье, Саранске, Нью-Йорке. Цветёт желтовато-белыми, в парках, культивированные – розовыми, жёлтыми, тёмно-красными цветочками, изысканными по форме, собранными в зонтик. Листочки – резные, оправдывают название, собрать и помять в ладони – пахнет ладаном. Идя мимо – там ли, тут ли – невольно задерживаю шаг.

...В детстве у меня был друг Слава. Мы всегда были вместе. Я у него многому училась и многому просто подражала. Например, Слава заикался – и я заикалась, считая это единственно приемлемым способом, языком общения. Слава любил хлебные горбушки – и я за столом из кусков хлеба выбирала горбушку. Помню, он сказал мне: «П-пойдём зд-дороваться с людьми!» И вот, мы пошли вдоль деревни, два маленьких существа, он шёл чуть впереди. Шёл и говорил встречным:

– Д-доброе утро! Зд-дравствуйте!

Не забыть, как светлели их лица – какой-то высоченный дядя, женщина с коромыслом, – когда они отвечали:

– Доброе, доброе! Здравствуйте!

...Ещё как-то, это было зимой, нас закрыли в его доме. Наши мамы работали в школе, девать же нас было вечно некуда. И так, заперли в доме – предварительно, конечно, убрали подальше спички и ножи. За окном пошёл снег. Забросив однообразные домашние игры «в школу», «в магазин», «в больницу», мы стали мечтать вслух о том, как хорошо было бы выйти на улицу и побегать там по снегу и воздуху. Обследовали дом, сенцы – в сенцах нашли крошечное оконце, только что высунуть нос и... голову. Слава рассчитал: если туго повязаться вязаными шальями, а таковые нашлись, концами крест-накрест по диагонали на груди, потом подмышки, потом – завязать на спине, получается почти так же тепло, как в пальто, и тело проходит в отверстие. Валенки выброшены по одному на улицу, оденем там, тут в них не пролезает. Шедшая мимо девочка по просьбе Славы ставит к стенке, под оконце санки – приземляться. Первой вылезает я, ногами вперёд, он помогает, держит в сенцах за руки. Потом я помогаю ему, вытягивая за ноги из оконного отверстия. И вот, уже бежим по заснеженной улице, а люди за стёклами окон испуганно показывают на нас пальцами...

Наказания, честно говоря, не помню, помню лишь этот короткий миг свободы.

...Было лето. Я его не видела несколько дней. Потом моя мать сказала: «Пойдём, попрощаемся со Славой». Взяла меня за руку, и мы пошли. Мама сказала, что Слава уезжает, далеко-далеко. По пути попадались цветы тысячелистника, я их рвала – Славе в дорогу.

В его доме было много людей, толпа. Он лежал на лавке или на койке – не помню, – вытянувшись во весь рост, на спине, руки сложены на груди, держат свечку; глаза закрыты. В изголовье – букет из ягод земляники. Мне объяснили, или я тогда сама додумала: если он проголодается в своём долгом пути – поест земляники, подкрепится, и – дальше. Я положила рядом тысячелистник, на память, по приказу взрослых поцеловала его в лоб, жёлтый, холодный... Меня увели.

...Побывав на родине, сделала несколько фотографий. Показываю людям – смотрят с интересом... Цветы тысячелистника.

– А это, что за растение?

Говорю: «Целебное. Как заболит зуб, или что-нибудь ещё, сорвать листочек, пожевать – и боль пройдёт».

Я и сама в это верю.

Тысячелистник кутает землю вечноцветущим ковром.

Расставания

«Юного рыбака Урашиму морская черепаха, вернее, морская принцесса, принявшая образ черепахи, увлекла на дно морское, где он пробыл-прожил во дворце четыре счастливых года, но затосковал по родине и решил посетить свой берег. Принцесса дала ему в дорогу с собой зелёную шкатулку – чтоб вернуться, только наказала: шкатулку не открывать. На берегу оказалось, что тут без него прошло не четыре, а четыреста лет, и он уже стал историей. Посетив старые могилы, включая свою собственную, он по пути назад в подводный дворец нечаянно открыл зелёную шкатулку, из которой вырвался туман, и Урашима рассыпался в прах...»

В который раз вспомнилась эта старинная японская сказка о рыбаке Урашиме. Пытаюсь понять, как это было возможно, нечаянно открыть шкатулку: может быть, споткнулся?..

Ну да, споткнулся. О камень на берегу. Или о выброшенную морской волной корягу...

Самолет держит курс на Нью-Йорк. Сосед по сиденью доедает свой дорожный обед. Внизу облака, облака... Прежде чем самой рассыпаться в прах, перебираю-вспоминаю отдельные памятные события и сокровенные, дорогие сердцу образы, заключённые в шкатулке моей памяти...

1940-е, лето. Вот я по пыльной дороге выхожу за деревню; направляюсь к колхозному полю. Куда-то, далеко-далеко, ушёл мой близкий друг Слава. Слава был в деревне Поморцево, где работала в школе мама. А теперь я в деревне Сидорёнково, здесь бабушка-дедушка, и я живу с ними. Я теперь одинокий ребёнок. Мне нравится уходить далеко-далеко, и может быть, там я встречу Славу. Мимо свинофермы, дальше направо. Слева от дороги поле, справа, далеко – чёрные крестики, ближе – поле. На краю поля стоит босая девчонка с растрёпанными светлыми косичками и держит за ботву какой-то корнеплод. Девчонка улыбается, шурясь синими лучистыми глазами. Мы молча смотрим друг на друга. Я не знаю что сказать, она, видимо, тоже. Расходимся...

Зима. Мама! Мама вывозит меня на саночках за ограду, везёт, набирая скорость, снег летит мне в лицо, и необыкновенное счастье переполняет моё сердечко. Мы едем, собственно, еду я, мама бежит, на улице темнеет... совсем темно. Приехали к маминной подруге по имени Аида. Мне дают кусок хлеба с солью и стакан чая с молоком. Это вкусно.

Весна. Я уже переболела детским параличом, и учусь ходить заново. Меня вылечила наговором, то есть поставила на ноги добрая деревенская знахарка. Вышла на крыльцо избушки, слышу пение-кукование кукушки на той стороне нашей речки, саму речку не вижу по причине маленького роста, да и крутизны берега не вижу, а только вижу: та сторона нежно-зелёная с призрачными холмами далеко-далеко. Оранжевый восход. Я спрашиваю кукушку:

– Кукушка, кукушка, скажи, сколько лет мне жить?

Та замолкает, видимо, заглядывает в свои записи, потом заводит своё «ку-ку».

– Один... два... три...

Дальше – «много»: я умею считать только до трёх.

Лето. В огороде, у межи, яма. Я разрыла эту яму вглубь и вширь, нашла доски, закрепила полки, а на этих полках расставляю вылепленные из глины фигурки: уточки, грибы, человечки... Мастерская прячется в траве – это мой сад. Приходят гости: Толька Барабанов из дома через дорогу, соседи через огород братья Ванька и Петька. Ой, а Толька Барабанов, как он меня удивляет! Посидев в моей мастерской, собирается уходить, и на его «ну я пошёл» я отвечаю «да посиди ещё» – так делают взрослые, я слышала, но когда после ответного визита в игральный уголок с железками в его огороде за баней собираюсь уходить я, он мне отвечает: «Ну и иди!»

Лето. Дедушка – колхозный пчеловод, берёт меня и городскую девочку по имени Октябрина на пасеку. Запрягает лошадь, поехали. По пути к пасеке справа от дороги лесок, слева – цветущий луг: ромашки, колокольчики, душистый горошек, кремовые шапочки скабиозы! Я

соскакиваю с телеги, рву цветы, и с охапкой-букетом возвращаюсь бегом на телегу. Дедушка спрашивает:

– Ну, все цветы оборвала?

Я успокаиваю:

– Нет, деда, там ещё много осталось!

А на пасеке тёплый сладкий дух, солнечный день... Собачки вертятся у дедушкиных ног, хоть он говорит «под ногами». Дедушка кому-то представляет нас с Октябриной: «Вот эта (Октябрина) челдонка, а эта (обо мне) – хохлушка».

Афродита. В нашу баню приходила мыться в женскую смену тётя Оля, мама этого, Барабанова Тольки. Когда тётя Оля скинула с себя одежду в предбаннике и вошла внутрь, на ходу расплетая косы, меня озарила мысль-молния: «Афродита!» Я видела в школьном учебнике моих тётушек-школьниц такую картинку, «Афродита», точь в точь тётя Оля. Спешу в свою яму-мастерскую лепить тётю Олю-Афродиту.

Осень, мельница. Мы с бабушкой на мельнице, перемолоть зерно в муку. Какие-то огромные приспособления, потоки – то зерна, то крупы – движутся по наклонной сверху вниз. Тихая очередь женщин с кулями зерна на помол. «Это натура, так колхоз расплачивается за труд», – говорит бабушка. По помещению ходит мельник дядя Кузя. Лицо его, одежда, всё припудрено мукой... Всё как в тумане.

Одержимая. Я научилась читать рано, в три года. Как это было – это было ещё в Поморцево: проникла в мамин класс – частенько это делала, сижу под партой, а кто-то сидящий за партой спустил вниз, под парту и показывает мне алфавит, шёпотом объясняя каждую букву. Буква «я» вызывает замешательство. Я выглядываю из-под парты и удивлённо спрашиваю:

– Ты?

– Нет, это буква такая, «я».

– Ты!

– Нет... «Ты».

– Аа... Я!

И с тех пор читаю всё, что попадает под руку, то есть на глаза, в основном, на глаза попадают школьные учебники моих тётушек-школьниц.

...Хочу ходить в школу. Сидеть как все, за партой, а не под партой: вот так я хочу ходить в школу. Пришла из Поморцево мама, и упростила свою подругу Веру Емельяновну, учительствующую в первом классе Сидоренковской школы, принять – потерпеть меня, недоросля, в её классе. Прихожу. Меня сажают третьей за парту с двумя сёстрами Курочкиными: сопливые лица. И ещё: портят воздух: конечно, испытание неподвиженное, но – терплю.

Первый урок – чтение.

– Ма-ма мы-ла ра-му...

Трудно перестроиться читать по слогам, а не свободно, как я уже привыкла, ведь читать я начала ещё где-то трёх лет. Итак:

– Ма-ма мы-ла ра-му.

Второй урок – чистописание. Старательно вывожу вместе со всеми крючки и палочки с наклоном. Сёстры Курочкины страшно воняют. Третий урок – арифметика. Благодаря этому уроку и Вере Емельяновне я научилась считать до четырёх, и даже писать цифру «четыре». Читать я стала рано и жадно читала бывшие в доме книги – учебники, но когда в этих учебниках видела иллюстрации, а ниже номер иллюстрации или рисунка «Рис...», то знак, следующий за этим «Рис.», не понимала. А после этого урока я стала понимать четыре знака: 1, 2, 3, 4.

Четвёртый и последний урок – рисование. Вера Емельяновна всем раздаёт тетради и предлагает что-то нарисовать. Через сорок пять минут всеобщего пыхания над заданным образом звенит звонок: конец урока. Вера Емельяновна даёт нам домашнее задание: нарисовать и принести к следующему уроку ёлочку. Прихожу домой, немедленно приступаю к выпол-

нению этого домашнего задания: открыла тетрадь, взяла в руки карандаш... Опомнилась: вся тетрадь изрисована ёлочками, и даже обложка – на ней выросла целая ёлочная роща! Испугавшись этого своего помрачения рассудка, а ещё больше ответственности за испорченную тетрадь, решила больше в школу не ходить, и боюсь встречаться с Верой Емельяновой. Бабушке сказала:

– Не пойду в школу, там Курочкины воняют.

Зима.

– Здорово живёшь, Настасья.

– Милости просим. Проходи, Михайловна...

Бабушка пришла со мной к тётке Настасье Аксёновой, вдове. Мне говорят:

– Иди, поиграй с Толей.

Толя – младший сын тётки Настасьи, мой ровесник Толька. Нам дают санки, и мы катаемся с Толькой с горки в его дворе. Замечательная горка! Замечательный зимний день! Этот Толька запомнился надолго: вежливый, тихий, темноглазый мальчик. Жаль, что не живёт близко, как Толька Барабанов.

На речку. Бабушка настирала в корыте и несёт к проруби бельё полоскать. Я с ней, за ней. Но бабушка не разрешает подходить к проруби близко:

– Не подходи, пимишки¹ намочишь. Стой, где стоишь!

Идём назад с ворохом выполосканного белья, бабушка развешивает на верёвке во дворе, я подаю прищепки. Бельё на морозе застывает, превращается во что-то картонное, и мне кажется, если попробовать согнуть вот эту простынь, то она переломится по месту сгиба. Ой, как хочется взять и хрусть!

– Не тро-ожь! Что за ребёнок...

Весна. Выхожу на крыльцо, вижу вдалеке, на той стороне, нежно-сиреневые холмы – это там поляны лиловых и белых подснежников. Кукует кукушка.

– Кукушка, кукушка, скажи, сколько лет мне жить?

Кукушка, чуть подумав:

– Один. Два. Три. Четыре...

Дальше – много.

Лето, осень. Мама работает в школе в Сидорёнково, и живёт с нами! Нас теперь в избе «много»: бабушка, две дедушкины – бабушкины младшие дочери, мама и я. А дедушка переехал в тайгу, «поближе к своим братьям-староверам», взял с собой улы и уехал в тайгу.

...Выпал передний зуб. Как это получилось – не понимаю, выпал передний зуб, обезобразив мой облик, моё отражение в зеркале, что над столом в кути². Бабушка мне говорит:

– Давай-ка я тебе подравняю чёлку. Сядь... Расплети косички.

Сажусь на стул, что как раз напротив висящего над столом зеркала. Расплетаю косички. Расплела.

– Наклони голову... Не вертись.

Наклоняю голову, не верчусь, слышу монотонное жужжание машинки... Наконец, бабушка говорит:

– Всё.

Я встаю. Смотрю вверх, в зеркало... Беззубое бритоголовое чудище смотрит на меня сверху. Я – в слёзы:

– Баба, что ты наделала-а-а-а!..

¹ Пимы, валенки. Здесь и далее, если не указано иное, даётся перевод слов с чалдонского (челдонского, чолдонского) диалекта, являющегося одним из сибирских старообрядческих говоров.

² Прихожая.

– Да не реви ты, волосья-то скоро отрастут, будут ещё лучше, гушше.³ И зуб... Вырастет новый, это был молочный. На вот панамку, надень.

Даёт мне коричневую панамку, которую я натягиваю до самых бровей, за что получу прозвище Япошка. Это чуть потом, а сейчас, вообразив что «скоро» – дело нескольких минут, успокаиваюсь, выхожу из дома – навестить маму в школе. Зуб был молочный, вырастет новый. И волосы скоро отрастут. Иду, иду вдоль обрыва... Здание школы... Вхожу, топаю по длинному тёмному коридору... Мамин класс, должно быть, слева. Распахиваю дверь: точно, её класс. Я – врываясь, радостно:

– Ах, вот вы где! А я вас искала!

Мама: гневное лицо. Подскакивает ко мне, молча распахивает дверь, даёт мне хорошего пинка, я выкатываюсь в коридор, качусь по полу, панамка с головы слетает, обнаруживая лысый череп. Дверь за мной захлопывается. Встаю, плачу, иду назад. Ужасный день. Мама потом скажет, что у неё в классе была комиссия из РОНО, потому... А я – я с тех пор я часто повторяю про себя, посмеиваясь над собой перед лицом очередных неудач:

«Ах вот вы где, а я вас искала!»

Расставание с родиной. Мама собралась на Дальний Восток, работать в деревенской начальной школе. Завербовались мама, и с ней её подруга Анна Ефимовна. Собраны все вещи, завтра нас с дочкой Анны Ефимовны Томой повезут в город, где я впервые увижу поезд, на котором мы поедem на этот Дальний Восток. Я иду к соседу через огород Ваньке, беру его за руку, подвожу к моей яме-мастерской. Сделав широкий жест рукой:

– Вот, теперь это всё твоё!

Вдруг, чувствую, из глаз моих хлынули слёзы. Плачу молча, удивляюсь: отчего я плачу, если меня никто не бьёт?

³ Особенности чалдонского диалекта является произношение звука [ш] как долгого и твёрдого, стяжение гласных: «лесна» вместо «лесная» и др.

Дальний Восток

Поезд идёт на восток. На Дальний Восток! Еле пережила момент посадки – ужас перед громадным составом на колёсах, эти железные ступеньки, куда меня брыкающую погрузили вслед за чемоданом... Едем, сидим на жёсткой нижней полке. Мы с Томой прильнули к окну. За окном зелёные просторы. Особенно красивы зелёные вёлочки. К нам приходит проводница, молодая девушка, приносит чай, а когда проводница уходит, мама и её подруга Анна Ефимовна осуждают её за связь с пассажиром, молодым человеком в солдатской форме. Эта парочка часто воркует в её купе, а ещё они обмениваются поцелуями у окошка вагона. Мама говорит:

– Он её забудет, как только сойдёт на своей остановке.

Потом по вагону идёт одноногий дядя с костылями и с гармошкой, играет знакомые мелодии, «Катюша», «Калинка». Я помню эти песни, знаю наизусть благодаря патефону и пластинкам в доме бабушки-дедушки. Пассажиры купе делятся с исполнителем своими скудными съестными запасами, дают мелочь. Ночь, суета: «Байкал, Байкал». Мы засыпаем снова, едем дальше. ...Пересадка, опять пересадка – огромное помещение вокзала, сидение на чемоданах, очень хочется спать. Спать. Спать, спать... И снова мы в вагоне поезда, и теперь много тоннелей. Мы с Томой в восторге от этих внезапных нырков в темноту, вслед за которыми – вспышки света.

«Владивосток». Приехали. Ночь. Мама и Анна Ефимовна с кем-то разговаривают на перроне. Мы с Томой просыпаемся в спальне детского дома. Приходят мамы, ведут нас завтракать.

...Стоим на берегу сине-зелёного моря – этот цвет, сказала мама, называется аквамарин. Туман. Мама говорит: «Владивосток» означает «Владеющий Востоком». Кто этот, владеющий? Мама показывает на море: «Вон там – Япония!» И мне кажется, я вижу сквозь туман далеко-далеко эту страну, Японию, она такая же, как и этот залив, цвета аквамарин.

...По пыльной дороге на грузовой машине приехали в посёлок Пожарское. Пыльная дорога. Серый деревянный дом «контора». Снова дорога. Мы с мамой едем в деревню Надаровка.

Надаровка: сады, сады вдоль деревни, за оградами деревья с бледно-зелёными гладкими плодами-завязями: «сливы». Сливы! Фрукты! В Сибири, в нашем Сидорёнково не росло никаких плодовых деревьев, была лишь согра⁴ на той стороне, в согре – ягоды, а тут – сады! И ещё, на улицах, деревья – «ранетки». Сад из деревьев-ранеток также у школы – просторного деревянного здания, где наша с мамой квартира: прихожая и спальня, в прихожей, она же кухня, – качели, с которых я свалилась, взявшись за верёвки слишком низко; в спальне красивая старинная деревянная кровать, мы с мамой спим на ней вдвоём. Я прошу маму что-нибудь рассказать на ночь перед сном, так делала бабушка, но мама засыпает после первого же предложения. Вот, к примеру, её сказка о Маше и медведе:

– Жила-была девочка Маша. И... п-по... пошла она в лес по ягоду... Идёт-идёт, и... спрашивает... Поликарп Сергеич⁵ тут живёт?

– Мама, ты что? Какой Поликарп Сергеич... – Трясу её за плечо. – Расскажи мне о медведе!

– Ой, да-да... Идёт она, идёт, и... где тут Поликарп Серр... Хррр...

– Маа-маа...

И всё, то есть все её сказки на ночь в таком же духе.

Как я уже писала, в раннем детстве у меня был близкий друг Слава, он ушёл далеко-далеко, так сказала мама. Лишь подросши, я пойму, то есть узнаю, что он утонул. И тогда

⁴ Мелколиственный лес.

⁵ Имя дедушки, оставшегося в Сибири.

мама подарила мне куклу-мальчика, которую зовут тоже Слава. Играю с куклой Славой, вокруг много травы «кукольник», из которой делаю для Славы компанию друзей. Потом эта кукла Слава исчезнет, уйдёт куда-то далеко-далеко, как и оригинал, и я буду обходиться куклами из трав и веточек. Трава кукольник: сорвать, проткнуть стебель палочкой – получится девочка в длинном зелёном платье с распахнутыми руками. И есть такие веточки, с симметричными мини-веточками: ручки-ножки... человек! Плохо только, что здесь нет глины для лепки, какая была в Сибири. Со скульптурой придётся расстаться.

...В дальнем конце школьного здания, слева – классная комната. Деревня маленькая, всего учеников двадцать – школа комплексная, то есть в классной комнате будет по два класса, в первую смену первый – третий, во вторую – второй – четвёртый. Мама – учитель, завуч и директор в одном лице.

Год послевоенный, неурожай, голод. Местные жители питаются тем, что даст огород. Маме полагается участок земли, то есть полагался, но мы приехали уже летом, когда поздно что-либо высаживать. Поэтому нам остаётся питаться лебедой, крапивой и картофельными очистками, которые приносят маме деревенские женщины – мама эти травы и эти очистки отваривает и забеливает снятым молоком, тоже приношение, получается суп, невкусный, хоть съедобный. Мне здесь нравится: леса, сады, причем ограды – не плетни, как в Сибири, а колючая проволока, натянутая на колья. На задворках таких огородов, за такими колючими проволоками – лесок, в нём разные съедобные травы. «Курочки»: срываешь, а из стебля на месте срыва выступает молочко, вкус – освежающий; кислица кисленькая. Самое же лакомое – молодые стебли репейника-лопуха, только их нужно аккуратно очищать от горькой кожуры. Правда, эти стебли съедобны ранним летом, пока не покрылись лиловыми цветами-липучками, тогда у них кожа дубеет и в пищу не годится. Мы с ребятами также находим всякие ампулы, гильзы – следы каких-то бывших боевых действий – уже не говоря о следах присутствия японцев в виде предметов обихода: раскладушек, ведер, тканей, вышитых настенных ковриков. Однажды мы с ребятами нашли флакон рыбьего жира, в котором плавала сдохшая мокрица – мокрицу выловили и выбросили, а рыбий жир дружно распили. Мы дружим с Надей Подосинниковой, у неё, как и у меня, отец не вернулся с фронта. Надя, её младшая сестрёнка Маня и я относимся к этому без истерики: ведь мы не очень хорошо помним либо вообще не помним наших отцов – это потом, подростки, начнём поминать и помнить, – а вот с их старшей сестрой, четырнадцатилетней Ниной, случаются приступы, когда она в слезах зовёт погибшего на фронте отца: «Папа! Папочка...» Ей приносят в стакане воду, утешают... Иногда я остаюсь – мама разрешает – ночевать у Нади, и это так чудесно: ночевать не дома! Нам стелют на полу – глиняном, как в большинстве надаровских домов, стелют трём: Наде, Мане, мне. Но когда в доме гаснет свет, то есть когда их мама тётя Паша гасит керосиновую лампу и становится темно, нам на нашей общей постели на полу становится так смешно, так смешно! Ну, просто умираем от смеха, окрики тёти Паши не помогают. Натягиваем одеяло на головы, приглушить вырывающиеся звуки хохота. Проходит полночи в удержании смеха... А днё-ом! Днём самые-самые смешные вещи: когда кто-то из девочек повязывается платком под «бабушку», при этом выставив наружу уши; или ещё, если кто-нибудь из нас, девочек, отплясывает, обернув вокруг талии шаль, и вдруг в танце обнажает ногу до бедра! Даже вспомнить такую сценку – ха-ха-ха! – смешно. У Надиного дома растёт дерево грецкого ореха, дерево мощное, высокое, и мы, не в состоянии на него забраться, изо всех сил колотим по стволу, запускаем камни и палки вверх, сшибая зелёные плоды. Расколотишь – а внутри белая масса, горьковатая и вяжет во рту. Можно также лакомиться зелёными сливами или ранетками – ужасная кислятина, но, во-первых, это так здорово лазить по деревьям, и потом – не ждать же месяц под деревом, когда поспеет.

Через дорогу от школы дом и сад, то есть сад и дом семейства Пирожков. Хозяйка семейства Пирожков, Ганна – здоровущая немногословная женщина, или жінка, так она себя назы-

вайт, будет уборщицей в школе. Она навещает маму. Придёт, сядет на стул, молчит. Когда мама её чем-нибудь одаривает – крем для лица, платочек, – Ганна восклицает: «Та не надо!» – и жадно хватает протянутый презент. Смешно! А рядом с домом Пирожков хата Гуз, у них Колька и Петька, Колька постарше, Петька младше, играем вместе. Есть ещё Коля Шкуров – черноволосый красивый мальчик. Рядом со школой дом Плотниковых. Старшая девочка Плотниковых, Кланыя, Клавдия, – добродушное существо, на все насмешки отвечает улыбкой – незлобивая до такой степени, что слывёт слабоумной. Кланыя будет в одном классе и даже за одной партой со своей младшей сестрой. Младшую сестру Кланыи зовут Марина, у неё замечательно густые пепельные волосы – тугие косы, тёмно-синие глаза с длинными ресницами. Из-за этих ресниц деревенские женщины назовут её самой красивой в деревне девочкой. Мне дадут второе место, подвели меня короткие ресницы. Хотя, я думаю, даже второе место мне только потому, что моя мама – учительница. На третьем месте по красоте, по их мнению, а по моему, на первом, – Надина сестрёнка Маня, черноглазая, черноволосая, кудрявая девочка. На окраине, у самой шоссейки, семейство Ковток. Дядя Митя Ковток, бригадир колхоза, неравнодушен к маме, заглядывает к нам по поводу и без повода, а Тонька Ковток, его младшая дочка – страшная врушка и фантазёрка, убедила меня в том, что зелёные лягушки, которые водятся в огородах, впиваются в ногу, а потом выглядывают наружу из-за прозрачной кожи, как из-за оконного стекла. Под впечатлением от Тонькиных рассказов я стала бояться зелёных лягушек.

Осень. Первый раз в первый класс: как раз накануне первого сентября попала мне на глаза, то есть в руки, книга «Жизнь Клим Самгина» Максима Горького. Книга физически «читаема», однако содержимое для моих лет необычно, в процессе чтения мне стали чудиться внутренности человека, кишки и прочее, как у животных, как у свиньи, которую взрослые потрошили однажды в моё присутствие. Не дойдя до конца книги, не дочитав, впала в горячку. ...Прихожу в себя на несколько секунд: я на полу, а надо мной мама, пытается укрыть меня простынёй, и эта белая простыня, и сама мама кажутся мне такими огромными, боюсь, обрушится, придавит меня простыня:

– Мама, не надо, не надо...

Снова теряю сознание...

Пропустила первое, второе, третье сентября... Наконец, сижу в классной комнате, за последней партой. Мама – моя учительница, в классе я должна её звать по имени-отчеству, Мария Константиновна.

А «Жизнь Клим Самгина» так и осталась недочитанной.

В мамину зарплату едем на грузовиках-попутках в город Бикин. Ходим по базару, на прилавках ломти хлеба – миллион рублей ломоть. Мама покупает один ломоть нам с ней, и ещё – конфеты «подушечки» с фруктовой начинкой.

Мсть. Научилась мстить. Сама. Самоучка. Способы отмщения рождались изнутри в виде сценариев. Сначала был Володя Пирожок, который принёс и положил под дерево ранетки, на котором я сидела, что-то завернутое в лист лопуха:

«Это тебе, гостинец».

Сказал так и убежал. Я слезла с дерева, разворачиваю лист – а там другой лист лопуха. Развернула – третий лист, четвёртый... В последнем, внутри – собачьи какашки.

«Ну, погоди, Пирожок...» Думала-думала, и придумала: в классной комнате огромная печь для обогрева. Между печью и стеной классной комнаты узкий проход. Забросила туда, в самый дальний угол, мячик, приготовила веник-голик... Пирожку:

– Володь, достань мне мячик...

Пирожок зашёл в тупик, достал мячик, а на выходе его ждёт голик:

– Вот тебе, вот тебе...

Учитывая то, что мне семь, а Пирожку – четырнадцать, победа особенно ценна.

Следующий объект мести – Тонька Ковток: сказала о моей маме плохое слово. Скорее всего, она повторила это слово за её матерью, которая, очевидно, ревновала маму к Тонькиному папе дяде Мите, точнее, к его назойливым визитам к нам. Слово резануло слух и вызвало желание наказать, то есть отомстить. Придумала: позвала погулять после дождя. Через шоссе дорогу от школы – площадка, где побывал трактор и разворотил почву, оставив кучу комьев грязи. Вот туда-то я и завела клеветницу. Пропустила вперёд, сама отстала на несколько шагов. Взяла в руки огромный ком грязи... окликнула. Как только Тонька обернулась, запустила ей грязь прямо в лицо:

«Это тебе за маму».

Ночью мама разбудила:

– Говорят, ты бросила девочке в лицо грязь. Это правда?

– Правда.

– Почему?

Молчу в ответ. Она не узнает почему.

«Давай закурим». Мама едет по делам в Пожарское, в РОНО, меня поручает присмотру старшим, четырнадцати-пятнадцатилетним девочкам. Девочки эти дают мне почитать свои альбомы, а сами убегают в лесок, что за школьной оградой, курить. Я с интересом читаю рукописные песни, чаще всего об Алтайском крае, о крутизне дорог, несчастной любви шофёра. И там же – рисованные красивые цветы, красные розы. Никогда не видела розу в жизни. Рисую розу: лепесточки по спирали. Хочу быть равной с этими девчонками, тоже курить... Рву и сушу траву, трава сохнет быстро, делаю папироску-самокрутку и выхожу на крыльцо с альбомом в руках, закурываю, сажусь: в одной руке папироска, в другой альбом, с алтайскими историями. Отрываюсь от чтива для затяжки: у входа во двор школы – мама, застыла от изумления, ничего не может сказать. Гашу свою папироску.

«Ружьё заряжено». Мама организовала народный театр. Сцена – местный клуб. Актёры – деревенское население, в основном молодёжь, играют замечательно. В один прекрасный воскресный день театральный коллектив едет на грузовике в Пожарское, и я вместе со всеми. Мне выпадает развлечь публику в антракте чтением стихотворения о кошке, которой хозяева долго искали подходящее имя, пока не пришли к такому заключению: «Не назвать ли нам кошку Кошкой!» Успех! О нас напишут в районной газете! И обо мне не забудут: «Девочка-младшеклассница прочитала со сцены...». Вечером с мамой возвращаемся домой, укладываемся спать в нашу деревянную кровать. Слышен шорох в коридоре. Что-то упало? Мама обращается ко мне громким басом:

– Сынок, а у нас ружьё заряжено?

Я не успеваю отреагировать «какое ружьё, мама», как она толкает меня в бок и шепчет: «Отвечай: заряжено, папа...» И я отвечаю:

– Заряжено, папа...

Она: «Громче „заряжено, папа“».

– Заряжено, папа!

Шорохи продолжают. Мама повторяет свой вопрос басом, заряжено ли ружьё, а я повторяю мой ответ «заряжено, папа»... Шорохи прекращаются. Рано утром мама выглядывает в дверь; выходит в коридор, потом зовёт меня: «Посмотри». Я выглядываю в коридор – вижу огромного серого кота, проникшего через открытую форточку, и теперь крепко спящего на подоконнике. Мы с мамой смеёмся.

Зима. У дома Пинчуков стоит бездействующий по причине зимы комбайн. Играем в войну, и комбайн с нами тоже. Мороз. Надина сестра Маня зачем-то лизнула металлический поручень, да и примёрзла языком. Закричала, мы кинулись её отрывать, оторвали, а кончик языка остался на поручне. С тех пор Маня будет картавить. Хорошо ещё, что красивая.

Весна. В лесу, что за школьной оградой, хрупкие деревца ольхи свесили серёжки – боже-ственно красивые, самые первые весенние цветения! В Сибири подснежники, а здесь – ольховые серёжки. В мае расцветут белыми душистыми цветами ранетки, сливы... Но всё же самые первые и самые красивые – ольховые серёжки.

...В один прекрасный весенний день у Нади с Маней появилась на свет сестрёнка, назвали Тоней. Без отца – потому что никто не видел никакого дяди около тёти Паши. В Сибири таких детей называют «суразята», а на Дальнем Востоке – «байстрюки». И Тоня стала расти не по дням, а по часам.

Летние каникулы, детская площадка:

- А мы просо сеяли, сеяли,
Ой дид-ладом сеяли, сеяли!
- А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой дид-ладом вытопчем, вытопчем.
- А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой дид-ладом вытоптать, вытоптать.
- А мы коней выпустим, выпустим,
Ой дид-ладом выпустим, выпустим.
- А мы коней в плен возьмем, в плен возьмём,
Ой дид-ладом в плен возьмем, в плен возьмём.
- А мы коней выкупим, выкупим,
Ой дид-ладом выкупим, выкупим.
- А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой дид-ладом выкупить, выкупить.
- А мы дадим девицу, девицу...

«Девицу» хозяева просяного поля объявляют «дурочкой, дурочкой», но обратная, то есть встречная сторона обещает её «вылечить, вылечить»... Вот так две шеренги ребят держатся за руки, поют, движутся навстречу друг другу. Мы, девочки, по очереди в качестве выкупа, то есть «дурочек», переходим из одной шеренги в другую. Действие происходит на детской площадке, в соседней деревне Федосьевке, куда нас с Надей отправили, напутствуя словами «там вас хоть покормят», и привёз колхозный шофёр дядя Стёпа. Первую ночь накануне заезда мы с Надей спали в доме одной из наших воспитательниц, спали на полу, и я никак не могла унять урчания в желудке. На следующий день мы уже в помещении школы, классная комната и есть наша детская площадка, тут спим на полу все вместе, едим и играем. Иногда кто-нибудь из нас получает из дома гостинец, скудный гостинец – времена голодные. Однажды мне передали бутылку мёда. Зачем-то я на спор выпила всё, и потом прошла ночь в приступах рвоты. А ещё раз проснулась в луже: описалась. Что ели – не помню. Главное, мы что-то ели.

За пару дней до окончания смены приезжает дядя Стёпа и говорит: «Велено привезти девочку домой», – показывает на меня. Надя:

- Я одна не останусь, поедем вместе!

Едем вместе, и приезжаем в Надаровку. Надя идёт к себе, а я к себе, к помещению школы. Но помещение школы закрыто на замок. Стучу в дверь, стучу в окно – никаких признаков мамино присутствия. Удалось-таки открыть окно и влезть внутрь. Походила по пустой квартире... Голодно, а дома шаром покати. Заглянула под кровать: а там три (три!) пол-литровые банки с вареньем из голубики. «Если я столовой ложкой немножко зачерпну – будет не замечено...» Опомнилась, когда осталось в банке наполовину. Тогда открыла вторую банку с той же идеей... Опомнилась – половина. Взялась за третью – та же история, половина. Задвинула все три наполовину пустые банки под кровать и вылезла в окно погулять. Гуляла в лесу за школь-

ной оградой до вечера, до сумерек. Прихожу домой, вижу мамино сердитое лицо, оказывается, дядя Стёпа ошибся, перепутал, чья мама просила девочку домой: то была тётя Паша, то есть Надина мама, а не моя, моя меня не ждала, моей меня кормить нечем. И обнаружена пропажа варенья, приготовленного на зиму. ...Била меня мама палкой, да так, что я слегла на неделю. Помню эту палку – сучковатая, шероховатая, полуметровая. Ещё вспоминается почему-то покрытой березовой корой – хоть я не помню, чтоб на Дальнем Востоке водились берёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.